

*[Посвящается Донбассу,
который заставил нас стать собой]*

«В нашем доме, где мы жили летом, была большая светлая веранда. Сам дом построил еще наш прадед, когда вернулся с войны. А веранда появилась намного позже. Папа тогда был подростком, и они вдвоем с отцом во время летних каникул смастерили эту глинную деревянную пристройку к дому — с окнами во всю стену.

Там жили папа с сестрой, когда были детьми. А потом мы с братом.

Веранда была поделена между нами поровну. Как говорил папа — по справедливости. Мебель в моей половине была старая-престарая, из прошлого века. Кровать с высоким железным изголовьем была укрыта белоснежным пологом — прямо королевское спальное место. Только полог был защитой от надоедливых комаров и жутких шершней, сшит из обычной марли и закреплен на гвозде, который папа вбил в потолочную балку.

На маленьком лакированном столике напротив окна стоял папин школьный глобус и маленькая фарфоровая статуэтка — балерина с цветком, которую когда-то, во время поездки в Ленинград, купили в подарок папиной сестре Лене.

Основную часть старинного комода — с ручками в виде ракушек — занимала не моя летняя одежда, а старые книги. Все они были потрепанные, порванные, зачитанные до дыр. Мама не разрешала хранить их в городской квартире — там, в новом стеллаже, остались только книги в красивых обложках, и расставлены они были строго по цветам.

Так мне было передано, вернее, передарено папино и тетино детство: „Два капитана“ Каверина, „Белый Бим Черное ухо“ Троепольского, „Корттик“ и „Бронзовая птица“ Рыбакова, „Дикая собака динго“ Фраермана, „Чук и Гек“ Гайдара и его удивительная „Голубая чашка“ с самыми волшебными, солнечными рисунками Гальдяева, мои любимые „Три толстяка“ Юрия Олеши, весь Жюль Верн, Майн Рид, Фенимор Купер, Марк Твен и Джек Лондон. Все, что папа с сестрой жадно проглатывали ночами при свете карманного фонарика, боясь, что на пороге появится мать с отцовским армейским ремнем в руках.

Никогда не могла понять, как они смогли все это прочитать? Когда занимались всем остальным? Если честно, я в детстве и трети не осилила. А Ромка, балбес, кажется, ни в одну книгу даже не заглянул.

Половина, где жил мой брат, была относительно „новой“. Спал он на синем диване, который наскучил маме и был привезен из городской квартиры. Над диваном всегда висели постеры — то донецкий „Шахтер“, то „Бавария-Мюнхен“. Тумбочка со сломанной дверцей была забита всем, чем может быть забита тумбочка мальчишки, а в углу стоял телевизор — маленький, тоже бывший городской. За ним висел единственный здесь старый предмет — бабушкин гобелен с оленями. Ромка иногда метал в него гротики.

Летом мы с братом всегда просыпались первыми, солнце весело и безжалостно будило нас, когда окружающий мир еще спал. Окнами наша веранда выходила на соседский сад. У соседей росло всё: яблоки, алыча, абрикосы, груши. У нас не приживалось ничего — бабушка, помню, часто причитала по этому поводу. Иногда мы с братом рано утром перелезали через щели в почти развалившемся соседском заборе и воровали у них фрукты. Соседи все знали, но никогда нас не ругали.

Мне было четыре года, когда родился Ромка. Я всегда понимала, что мама его любит, а меня — нет. Но в детстве меня это не беспокоило и почти не обижало, разве что удивляло иногда. Ведь папа любил меня больше, я это знала и верила, что родительская любовь делилась между мной и братом поровну. По справедливости — как наша веранда. Ромка — хотя он как хвост постоянно был рядом — никогда особо меня не раздражал. Нет, нам вместе было просто, радостно, и как может быть по-другому, я не представляла.

От нашего дома до квартиры, расположенной в обычной многоэтажке, было рукой подать — несколько остановок на автобусе. На самом деле наш дом находился в черте Донецка. Но папа принципиально летом в квартиру не ходил. Лето — значит, лето, и мы живем «в загородном доме». Папа любил этот дом больше нас — он в нем вырос. Он первым туда переезжал, не дожидаясь наших каникул, а осенью с трудом переселялся обратно в «город». Мы с братом иногда забегали в квартиру: забрать вещи или погулять с кем-то из моих одноклассников, вернувшихся из летнего лагеря.

Мама относилась к дому так же, как ко мне, — прохладно, придирчиво, а чаще с раздражением. Она никогда не топила печь —

это была обязанность папы. Пользовалась только плиткой, а в дождливые дни сама возвращалась на автобусе в квартиру. Впрочем, дождливых дней на моей памяти было не очень много. И они тоже были счастливыми. Папа перебирался к нам на веранду, и мы до поздней ночи болтали и мечтали. Он рассказывал, как служил на флоте. Обещал, что на следующее лето мы обязательно накопим денег и поедем путешествовать. Мы ему всегда верили, хотя за эти годы съездили только в Севастополь, где жил его лучший друг, в Липецк, куда переехала папина сестра тетя Лена, и пару раз в Полтаву — к маминим родственникам.

Папа мечтал проехать всю Россию по Транссибу. И хотел в кругосветное на огромном корабле. Мы тоже хотели. Брали папин школьный глобус, вертели его и пальцем — наугад — останавливали в том месте, где обязательно все вместе побываем. И папа что-то рассказывал нам про мыс Дежнева, про Землю Франца-Иосифа, про Мадагаскар и Сингапур. А я сквозь сон улетала в совсем далекое детство, когда годика в три болела воспалением легких, и папа, пока ждал скорую, читал мне «Детей капитана Гранта». Шотландия, Новая Зеландия, Патагония, 37-я параллель...

Так втроем мы засыпали на одном диване. Утром глобус лежал на полу, солнце, щедрое после вечернего дождя, заливало светом всю веранду, папа весело напевал „Штурмовать далеко море...“ и жарил нам яичницу с помидорами. Потом мы всегда шли купаться. Мы с папой шли, а Ромка от радости прыгал.

Детство вспоминается как одно сплошное счастье. А счастье вспоминается как детство. И как бесконечное лето».

*[Из дневника Кати Ковалевой,
25 мая 2022 года]*

[ПРЕДЧУВСТВИЕ]

Весна 2013 года запомнилась Кате какой-то необъяснимой внутренней тревогой. Она была назойлива, как муха, не отставала ни на день. И вроде бы жизнь шла по обычной, счастливой детской карусели. После солнечного прозрачного марта наступил теплый ветреный апрель. За ним пришел май, совсем летний, полный ощущения предстоящей свободы. Именно с мая всегда и начинался отсчет ее детского счастья: сначала отмечали день рождения младшего брата — Ромки, вслед за ним приходил главный папин праздник — День Победы, потом всем классом гуляли по Донецку в день рождения Кати, потом начинались долгожданные летние каникулы.

Все было, как прежде. Но в сердце у Кати поселился неотступный, надоедливый страх. Впрочем, неладное происходило не только в ее сердце, но и в семье. Папа с мамой чаще

стали ссориться. Какой-то холод поселился в их разговорах, в их молчании, в их квартире. Он перебрался даже в старый, всегда наполненный солнечным светом дом на окраине Донецка, где они всей семьей жили летом.

В июле Олегу Ковалеву — отцу Кати — исполнилось сорок пять лет. Это был красивый высокий мужчина с небесно-голубыми глазами, но выглядел он старше своего возраста. В молодости он служил на флоте, потом, после распада Союза, недолго работал в милиции, ушел из-за ранения — во время выезда на пьяную семейную драку его ударили ножом. В последние годы Олег Ковалев работал водителем в коммерческой компании, работу эту не любил, но найти другую уже не пытался. Он смирился с жизнью, хотя она вышла совсем не такой, о какой мечтал он — интеллигентный, умный парень, выросший в семье советского офицера и учительницы географии.

Но он очень дорожил своей семьей.

Его жена Лариса воспринимала эту любовь как данность. Она придирчиво смотрела на мужа, на старшую дочь — слишком похожую на отца, на его старую бежевую «девятку» и простых друзей, на выцветшие кухонные обои и неудобный высокий шкаф

в прихожей. Казалось, сама жизнь была для нее неудобной, некомфортной — она ей жала, как неправильно подобранные туфли, срок возврата которых в магазин уже прошел. Только по отношению к сыну она проявляла заботу, которая, впрочем, тоже была разбавлена постоянным раздражением. Даже в день рождения Олега она была нервной и резкой. И гости не могли этого не заметить.

Из Севастополя к Олегу приехала семья его лучшего друга: Андрей Агафонов, с которым они вместе служили на флоте, и его жена Ирина. Андрей после увольнения из армии смог наладить на Украине небольшой бизнес, который, правда, приносил больше неприятностей, чем доходов. Он рано поседел, чуть пополнел, но никогда не унывал, был очень улыбчивым, добрым и спокойным, и Катя любила его больше всех отцовских друзей. И его жену она тоже очень любила. Ирина была актрисой в Севастопольском русском театре, она смотрела на мир легко и весело, по-детски наивно и восторженно, но Катя никогда не чувствовала в этом фальши. Когда Ковалевы всей семьей гостили у них несколько лет назад, она через день водила их в театр. Олег тогда шутил, что получил смертельную дозу русской классики.

Из Петербурга приехал еще один их сослуживец — Игорь Шиманский, а вместе с ним его сын Максим, уже студент. Его Катя не знала, а самого Игоря видела только раз в жизни: семь лет назад он буквально на день залетел в Донецк и привез им деньги — бабушка тогда болела и нужны были дорогие лекарства. А потом он помог ее отцу устроиться водителем в фирму своих друзей. Олег до этого несколько лет не мог найти нормальную работу и часто повторял, что Игорю «по гроб жизни обязан».

Наконец-то приехала тетя Лена — младшая сестра Олега. Они с мужем впервые за пять лет выбрались из Липецка в ее родной Донецк. Их вместе с семьей Агафоновых поселили в городской квартире Ковалевых, а Игорь с сыном остановились в гостинице в центре города.

На вечер родители Кати заказали ресторан — собиралась большая компания их друзей и папиных коллег. А днем — по просьбе тети Лены — решили пойти в парк Щербакова и устроить пикник на траве. Рано утром — вместе с мужем и Агафоновыми — она пришла в старый дом на окраине Донецка, где когда-то прошло их с Олегом детство. Ромку сразу отправили за свежим хлебом. Мужчины

жарили мясо на мангале, а женщины собрались на крошечной, очень тесной кухоньке, выходившей окном на тенистый задний двор.

Здесь было по-утреннему прохладно, пахло сухим деревом и колодезной водой — ведро с ней стояло на круглом колченогом стуле напротив маленькой печки, выкрашенной в светло-зеленый цвет.

— Чудо какое! — прошептала Ирина, удивленно окинув взглядом эту маленькую деревенскую кухню. — Все как в моем детстве: занавески с кружевом, старый сервант, рукомойник... Наверное, так и выглядит счастье? — в раздумье пожала она плечами. — У нас был такой же дом, почти такой же. А я его продала, когда бабушки не стало.

— Я раньше сюда приезжала и мне сил на год хватало, — погрустнела тетя Лена, потом встряхнула своей светло-русой головой, словно прогоняя тяжелые мысли, и занялась готовкой.

На электрической плитке она варила первую раннюю картошку. Сначала хотела испечь в котелке, но день обещал быть жарким, и затапливать печь передумали. Катя примостилась рядом с тетей и на маленьком столике, покрытом цветастой клеенкой, резала свежий хлеб. Над столиком, рядом с сервантом,

висели две бабушкины иконы: большая — святой Александры, и маленькая, потемневшая «Неопалимая Купина». У входа стоял пузатый низкий холодильник — старый, как все в этом доме, но исправно работающий.

Ирина еще раз зачарованно посмотрела на это сказочное пространство, которое по законам физики не могло вмещать столько воздуха, столько разных предметов и людей. А оно, как и все старые деревянные дома, вмещало в себя еще и память семьи, и тихую мудрость, невыразимый свет и неразгаданное счастье. Улыбаясь — то ли этому чуду, то ли своим воспоминаниям — Ирина подошла к медному рукомойнику и занялась овощами.

— Как вы доехали? — спросила ее Лариса, устало облокотившись о стенку печи.

В молодости она была красавицей. Лариса и сейчас была красива, она приковывала к себе внимание резким контрастом белой кожи и копны черных волос, точеной фигурой и темными большими глазами. Только взгляд их давно стал рассерженным и тяжелым.

— Очень душно было! Ехали в старом вагоне, без кондиционера, — жаловалась Ира, но совсем беззлобно — она, казалось, даже не

умела злиться. — Давно с мужем поездами не ездили!

— А почему не на машине? — удивилась Лариса и закурила.

— Дорога сложная. А я Андрею пока не помощник! Сдала недавно на права, машину купили, но...

— Купили машину? Какую?

— Маленькую, японскую. Но я плохо вожу, — призналась она. — Сажусь за руль, и сразу паника. Недавно чуть в овраг не съехала, муж чудом успел руль вывернуть! Зря я в таком возрасте...

— Прекрати, какой возраст! — недовольно поморщилась Лариса и сбросила пепел от сигареты прямо в окошко печки.

— А я ехала в поезде и вспомнила, как мы познакомились! — вдруг засмеялась Ира. — Катя, знаешь, как мы с твоей мамой познакомились?

Катя тихонько покачала головой. Она, действительно, не знала и даже никогда бы не додумалась об этом спросить у мамы — она привыкла к ее холодности, отстраненности, и представить между ними разговор по душам было так же сложно, как увидеть Ромку читающим книги из отцовской библиотеки.